
НАРОДНОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

ЗАВИСИМОСТЬ ХАРАКТЕРА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ СИСТЕМ ОТ МЕХАНИЗМА ИХ ФОРМИРОВАНИЯ*

© 2008 г. Ю. В. Овсиенко, В. П. Русаков

(Москва)

Введено понятие институциональной системы как совокупности взаимосвязанных институтов, нормирующих все допустимые в обществе формы взаимоотношений индивидов и организаций во всех сферах общественной жизни. Определены ее свойства, функции и влияние на социально-экономическую динамику. Показано, что существует спектр таких систем, причем институциональные изменения в каждой из них зависят не только от национальных традиций, но и от действующей социальной структуры. Рассмотрены некоторые специфические особенности российской институциональной динамики.

1. ВВЕДЕНИЕ. ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИНСТИТУТЫ

В человеческом обществе, как и у животных, ведущих групповой образ жизни, всегда существуют определенные правила поведения — нормы и стандарты, регламентирующие взаимоотношения особей друг с другом. Эти правила принято называть институтами — ограничениями, налагаемыми на поведение индивидов в социальной среде. Они формируют совокупность альтернативных возможностей, в рамках которых могут отбираться варианты поведения, обеспечивающие эффективное функционирование сообщества как целостной структуры, а также фиксируют заведомо недопустимые с точки зрения социума варианты и меры воздействия на нарушителей при помощи соответствующих механизмов принуждения.

Институты — это не только нормы поведения индивидов в обществе, но еще и продукты человеческой деятельности. Поэтому каждый институт, как и любой продукт, обладает двумя основополагающими характеристиками: эффектом, полученным обществом от того, что люди выполняют его предписания, и затратами, связанными с его созданием и функционированием.

Институт, как любой другой интеллектуальный продукт, относится к общественным благам, поскольку обладает свойством неистощимости, т.е. не исчезает в результате потребления (как, например, яблоко), а остается доступным для всех ровно столько времени, сколько соответствующая норма поведения оказывается полезной обществу.

Эффект от следования предписаниям, содержащимся в институтах, можно назвать его общественной полезностью. Например, общественная полезность правил дорожного движения — уменьшение числа аварий, травм, смертей. Между тем достаточно часто происходит сознательное нарушение этих правил. Водитель надеется на то, что все обойдется, он выиграет время и не попадет в аварию. Практика показывает, что значительная часть аварий, травм, смертных случаев происходит именно вследствие вполне осознанных противоправных действий водителя. Следовательно, помимо капитальных затрат на создание института необходимо постоянно осуществлять текущие затраты, для контроля за соблюдением участниками социально-экономического процесса институциональных норм и наказанием нарушителей.

Эффективный институт обеспечивает неотрицательную разность между эффектом и затратами, т.е. издержки на его создание и функционирование ниже, чем эффект от его действия. Это условие — важнейшая предпосылка экономического роста, повышения жизненного уровня населения, социальной стабильности, а если выполнение этого условия характерно для большинства действующих в каком-либо государстве институтов, то его функционирование эффективно.

Следует заметить, что в современном обществе существуют и неэффективные институты. К ним, в частности, можно отнести помощь людям, неспособным к эффективной трудовой деятельности. Другой сферой, где действуют неэффективные институты, является фундаментальная наука как определяющий фактор научно-технического развития в перспективе; но ее непосредственные результаты, как правило, не имеют коммерческой ценности. Эти и другие инсти-

*Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект 08-06-00062а).

туты подобного рода необходимы не только для развития общества, но и для сохранения в нем морально-этических норм и прав человека. Поэтому такие институты можно назвать *безусловно неэффективными*.

Другая группа институтов — это *условно неэффективные*, поскольку в них наряду с бесплатными для граждан услугами в этих областях существуют и платные формы. Однако значительное снижение доли бесплатных услуг ставит бедную часть населения в неравные условия с богатой и одновременно дает в руки группы, ответственной за формирование подобных институтов, дополнительные доходы.

Забегая вперед, отметим, что в странах, где отсутствуют демократические механизмы формирования институтов, создаются *социально несправедливые* формальные и неформальные институты, направленные на перераспределение доходов в пользу властных групп. Понятно, что тяготы по содержанию таких институтов ложатся на те сферы экономики, в которых функционируют эффективные институты.

Определение эффекта и затрат, связанных с функционированием каждого института — задача чрезвычайно трудная. Однако с ней общество сталкивается лишь в тех случаях, когда происходит резкая смена институтов — революция. В цивилизованных обществах институциональные изменения обычно происходят непрерывно и иницируются экономическими агентами, уже оценившими их пользу.

Особенность человеческих социальных систем заключается еще и в том, что их структура не сводится к простой иерархии особей, как в стаде животных. В них общество имеет сложную, многоступенчатую структуру, охватывающую все сферы общественной жизни: экономическую, политическую, социальную. Участниками этой системы являются не только индивиды, как в животном мире, но и разнообразные организации. Каждая организация, как и каждый человек, имеет собственные цели и множество возможных вариантов поведения, ограничиваемых совокупностью действующих институтов. Очевидно, что социальная и экономическая жизнь при отсутствии этих правил невозможна, поскольку обычно это приводит к хаосу.

2. ОСОБЕННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКИ ЭФФЕКТИВНЫХ И СОЦИАЛЬНО СПРАВЕДЛИВЫХ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ СИСТЕМ

Главная задача всякого сообщества, будь то отдельная фирма, регион или государство, заключается в создании не только комплекса правил, а превращения их в единую *институциональную систему*, включающую формальные и неформальные (их определения даются ниже), эффективные и неэффективные институты и охватывающую все аспекты взаимодействия участников социально-экономического процесса, включая семейные отношения, функционирование каждой отдельной личности в социальной среде (образование, здравоохранение, досуг и т.п.), производство благ, их распределение и т.п. Это необходимо для обеспечения выживаемости, устойчивого развития сообщества в условиях конкуренции с внешним миром, для осуществления непрерывных изменений этих правил, социальной структуры общества и условий хозяйствования — словом, всего того, что способствует улучшению качества жизни людей.

Однако конкуренция существует не только между различными организациями, но и внутри каждой из них. Это неизбежно порождает дифференциацию в оценке результатов деятельности ее сотрудников. Размеры этой дифференциации прямо зависят от характера действующих в них внутренних институциональных систем, определяющих, в частности, степень влияния ее участников на процессы распределения общих результатов их совместной деятельности. Если на предприятии существует институт, согласно которому это распределение осуществляется исключительно руководством, очевидно, что львиная доля доходов достается именно ему. Следствие — разделение сотрудников на два класса и увеличение разрыва между богатыми и бедными.

Этот фактор предопределил насущную необходимость развития одного из наиболее важных направлений институциональных изменений в мире — стремления к равенству перед законом всех людей и слоев населения. Однако эта задача невероятно сложна и требует кардинальной смены социальной структуры общества.

Эффективная институциональная система — это полная и непротиворечивая совокупность взаимосвязанных формальных и неформальных институтов, ограничивающая область выбора участниками социально-экономического процесса вариантов поведения и обеспечивающая экономический рост. В качестве показателя ее экономической эффективности можно использовать темп роста ВВП в сопоставимых ценах. Одновременно она — стимулятор, поощряющий общественно полезные формы поведения и негативно оценивающий другие, общественно вред-

ные. Следовательно, такая система фиксирует морально-этическую и мотивационную стороны общественной жизни. С ее помощью человек (организация) предсказывает, к каким результатам приводит то или иное действие и тем самым снижает уровень неопределенности при выборе наиболее приемлемого варианта. Еще одно свойство такой системы — парето-оптимальность. Ни один из участников, выбравших в рамках действующих институциональных норм наилучший вариант своего поведения, не может далее улучшать его без ухудшения положения других, но для этого ему придется нарушить эти нормы.

Эффективная институциональная система обладает такими свойствами, как полнота охвата всех взаимоотношений между индивидами, их внутренняя непротиворечивость, т.е. отсутствие несовместимых друг с другом институтов. А это означает, что каждый тип взаимодействия участников социально-экономического процесса регламентируется определенным институтом (или группой институтов). Таким образом, в каждый момент времени ни один институт не имеет конкурентов, но с течением времени появляются новые институты, заменяющие или развивающие старые. Поэтому каждый институт не может быть изъят из институциональной системы без соответствующей замены. Конкурентная ситуация возникает лишь на стадии сопоставления и выбора для реализации наилучшего варианта нового института.

В течение длительного времени общественные науки не уделяли должного внимания существованию институтов, считая их существование чем-то само собой разумеющимся. Следствием такого подхода оказалось игнорирование экономической теорией общественных затрат по созданию и функционированию институтов. Не принимались во внимание и издержки, необходимые для эффективного функционирования общества и прежде всего для получения информации о состоянии и динамике как общества в целом, так и его составных частей.

Очевидно, что для учета этих факторов нужны соответствующие институты и, разумеется, издержки, не относящиеся непосредственно к трансформационным издержкам, связанным с производством, хранением, транспортировкой, реализацией продукции. Эти издержки принято называть трансакционными. Они необходимы не только для получения информации о состоянии общества, его экономической и социальной динамике, но и для поддержания общественного порядка, пресечения действий, противоречащих институциональным нормам и др., и, наконец, для создания новых институтов и обеспечения их успешного функционирования. Таким образом, реальные общественные издержки существенно превышают трансформационные.

Длительное время в экономической науке господствовала теория А. Смита и его последователей, она рассматривала нормы человеческого поведения как нечто само собой разумеющееся и не требующее затрат.

Модель Смита включает множество мелких производителей и потребителей продукции. И те, и другие предполагаются абсолютно честными, а информация о рынке и его возможностях правдива, полна, одинаково доступна для каждого и не требует специальных затрат. В этих условиях рынок сам по себе, без всякого внешнего воздействия приходит к равновесию, т.е. состоянию, при котором существуют цены равновесия, при помощи которых все товары реализуются и спрос удовлетворяется. Простота данной концепции, элегантность результата долгое время ослепляли исследователей, не позволяя усомниться в правильности постановки проблемы. Но постепенно появлялись вопросы: может ли индивид получить полную информацию о состоянии рынка без всяких затрат? Что делать, если кто-то захочет украсть товар, а не купить его? Можно ли (и если да, то как) достичь равновесия в случае, если один из продавцов обладает значительной частью общего объема товара? Выяснилось, что для учета подобных факторов необходимо наличие соответствующих институтов, что, несомненно, сопровождается трансакционными издержками.

Одним из первых исследователей, обративших внимание на существование институциональной системы в человеческом обществе, был К. Маркс. Поскольку в то время институциональная экономика как наука еще не существовала, он ввел понятие “производственные отношения”. Это понятие более узкое, чем современное определение институциональной системы, поскольку оно ограничивается лишь отношениями людей (организаций) в процессе производства.

Но одной констатацией наличия в человеческом обществе того, что ныне определяется как институциональная система, К. Маркс не ограничился. Чрезвычайно важным был его вывод об огромном влиянии производственных отношений на развитие общества, в значительной мере предвосхитивший современные представления. Он считал, что “совокупность производственных отношений составляет экономическую структуру общества” (Маркс, Энгельс, 1959, с. 6–7). Именно они, по его мнению, в решающей степени влияют на развитие производительных сил, являясь либо стимулом к экономическому росту, либо его тормозом, а сам характер производ-

ственных отношений определяет, на какой стадии развития находится человечество. Однако в своих исследованиях К. Маркс понятие трансакционных издержек не сформулировал.

Интересно сравнить его концепцию с современной. Виднейший теоретик институциональной экономики Дуглас Норт пишет: “Институты задают структуру побудительных мотивов человеческого взаимодействия — будь то в политике, социальной сфере или экономике. Институциональные изменения определяют то, как общества развиваются во времени, и, таким образом, являются ключом к пониманию исторических перемен” (Норт, 1997, с. 17). Написано, безусловно, более точным, современным языком, но в сущности то же самое, хотя, конечно, речь идет не только о производстве, но и обо всех других сферах общественной жизни.

Различные человеческие сообщества создают разные институты и их системы. На этот процесс накладывает отпечаток история каждого из сообществ: образ жизни, религия, представления о добре и зле, справедливости и т.п. Поэтому, хотя свойство институциональных систем как стимулятора социально-экономического развития в них сохраняется, конкретные его направления могут быть различными. Кроме того, институциональные системы весьма сложны и не во всех случаях достаточно полно регламентируют все формы взаимоотношений участников и даже могут содержать внутренние противоречия. Поэтому процесс институциональных изменений — модернизация действующих и создание новых институтов — происходит постоянно, хотя и с разной интенсивностью. Это диктуется необходимостью совершенствования действующей системы и создания новых институтов. В последнее время, особенно в рамках Евросоюза, наметилось постепенное сближение институциональных систем входящих в него стран. Поэтому постоянно требуются существенные затраты на создание и законодательное закрепление совокупности норм и правил, организующих взаимоотношения между членами сообщества, методов контроля за их соблюдением и наказания нарушителей, а также процедур изменения этих правил путем модификации старых и создания новых институтов, которые должны не только учитывать социальные, экономические, политические и другие изменения, произошедшие в обществе, но одновременно органично вписываться в действующую институциональную систему.

Институциональные изменения осуществляются путем отбора и закрепления таких форм поведения, которые по идее должны в наибольшей мере способствовать не только выживанию, но и процветанию как общества в целом, так и всех слоев населения. “Социальная эволюция, — отмечал Т. Веблен, — не что иное, как процесс отбора и приспособления образов мышления под воздействием обстоятельств совместной жизни людей. Приспособление образов мышления — это и есть развитие институтов” (Veblen, 1922, p. 213).

В упрощенном виде процесс институциональных преобразований можно рассматривать как непрерывные неформальные изменения, наиболее полезные из которых затем закрепляются в формальной институциональной системе. Неформальные институты — это прежде всего общепринятые условности, кодексы поведения, моральные нормы. Формальные институты — совокупность законодательно зафиксированных правил, которым должно подчиняться поведение людей. Нарушение правил поведения, заложенных в неформальных институтах, влечет за собой такие негативные для виновного результаты, как общественное порицание, нежелание других членов той или иной социальной группы иметь дело с нарушителем и т.п. Что касается формальной институциональной системы, то ее обязательная составная часть — фиксация в официальных документах системы санкций за нарушение тех или иных ее предписаний. Элементом формальной системы является также наличие механизма, не допускающего наиболее жестоких способов наказания нарушителей неформальных правил, таких как физическое насилие, самосуд.

Выше уже отмечалось, что институциональная система имеется не только в человеческом обществе, но и у социальных животных. У них нормы поведения закреплены в рефлекторной системе в форме безусловных и условных рефлексов. Первые отражают базовую совокупность институтов, вторые — их динамику под влиянием изменений внешней среды.

В человеческом обществе все обстоит гораздо сложнее. Там следование институциональным нормам — не инстинктивный императив, а сознательное действие. Следовательно, в нем, в отличие от животного мира, значительно чаще возникает соблазн нарушить институциональные нормы и правила с выгодой для себя. Здесь явно недостаточно усилий вожака. Нужен механизм принуждения, призванный контролировать деятельность экономических агентов, выявлять нарушения и нарушителей. Исторически — это одна из функций государственной власти. Но и у государственных чиновников в свою очередь возникает соблазн использовать этот механизм с пользой для себя (и в ущерб населению), т.е. сформировать социально несправедливый институт. Так возникает коррупция. Противодействовать ей очень трудно. Поэтому этим недугом в большей или меньшей степени заражено большинство стран современного мира.

Попытаемся рассмотреть вопрос о том, каковы естественные условия формирования и развития институциональной системы, естественные рамки, в которых осуществляется институциональная динамика. Об этих рамках можно говорить как о базовых, основополагающих институтах. Очевидно, что в качестве таких институтов должны выступать общечеловеческие ценности.

Именно их Веблен называл образами мышления. Они известны человечеству с глубокой древности и отражены во всех мировых религиях. Одним из ярких примеров являются заповеди Моисея. В них на основе обобщения опыта развития человечества и выработки представлений о принципах справедливости взаимоотношений между людьми выработаны общие морально-этические нормы поведения, приложимые к типичным ситуациям. Именно эти нормы, на наш взгляд, являются базовыми институтами и составляют социальный фундамент институциональной системы.

Однако непреходящая ценность для человечества этих заповедей одновременно предопределила и их недостаточность для функционирования социальных сообществ. В них пригодные для всех времен нормы человеческого поведения сформулированы в общем виде, вследствие чего могут допускаться различные их толкования применительно к разным конкретным ситуациям. Кроме того, разработанная в них система санкций, применяемых к нарушителям, относится только к загробной, а не к земной жизни и потому недостаточно эффективна. В современных условиях необходимо их формальное закрепление, которое должно составлять фундамент институциональной системы. Поскольку на протяжении человеческой истории происходят постоянные изменения и в социальной организации общества, и в сфере экономики, возникает необходимость разработки и непрерывной корректировки конкретных правил взаимоотношений между экономическими агентами и наказания нарушителей.

В принципе, все институты, формирующиеся в процессе социально-экономического развития общества, должны не противоречить базовым ценностям и нормам, т.е. крепко держаться на своем фундаменте. Поэтому базовые институты можно назвать *институтами институтов*. Институциональные системы, элементы которых построены на основе подобных общечеловеческих принципов, не могут иметь в своей структуре институтов, ухудшающих положение отдельной личности или социальной группы за счет других. Следовательно, в таких системах не происходит ущемления неотъемлемых прав личности, не могут существовать институты, с помощью которых кому-то дается право обеспечивать собственное благополучие, ухудшая его у других, проводить дискриминацию различных групп населения по расовым, национальным и иным признакам. В них также отсутствуют институты, подразделяющие граждан на своих и чужих в зависимости от их мировоззрения или близости к власти и позволяющие безнаказанно очернять тех, кому не нравится действующая политическая система, прибирать к рукам средства массовой информации, суды, прокуратуру, силовые структуры. Поэтому такие институциональные системы, обладая атрибутами экономической эффективности, одновременно являются *социально справедливыми*.

Таков *первый*, наиболее привлекательный для любого человеческого сообщества тип институциональной системы, обеспечивающий экономический рост, расширение прав и свобод личности, улучшение качества жизни всех слоев населения. Поэтому представляется, что социально справедливые институциональные системы вряд ли могут быть экономически неэффективными, поскольку формирующее их общество этого не допустит. Таких систем достаточно много — развитые страны Европы и Америки, Япония, а также государства Азии, недавно ставшие на этот путь. Все они не идеальны, обладают разным уровнем экономической эффективности и социальной справедливости, но движутся в сторону улучшения этих двух качеств своих институциональных систем. Однако нельзя сказать, что история человечества идет исключительно по этому пути.

3. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ В НОМЕНКЛАТУРНЫХ ОБЩЕСТВАХ

Формирование экономически эффективной и социально справедливой институциональной системы — сложнейшая проблема. По-видимому, в полной мере ее решить невозможно, однако существуют страны, которые успешно движутся в этом направлении в течение многих столетий. Общие условия, обеспечивающие это движение, хорошо известны: демократический характер формирования институтов и общественный контроль за деятельностью властных структур.

Действительно, история показывает, что по пути создания и развития институциональных систем идут далеко не все страны, но именно они в наибольшей степени продвинулись в направлении установления равных прав для всех членов общества. Именно в них процесс приспособле-

ния институциональных систем к изменяющимся условиям направлен на улучшение жизни всех слоев населения.

Опыт показывает, что история человечества демонстрирует существование принципиально различных типов институциональных систем в разных государствах. Более того, даже явно неэффективные социально-экономические системы оказываются достаточно устойчивыми. Некоторые из них существуют многие столетия без сколько-нибудь заметных институциональных изменений, причем у них сохраняется одна существенная особенность: разделение населения на две неравные группы. Первая группа — это та, члены которой выполняют властные функции, включая разработку новых институтов и прекращение действия старых, но при этом никак не контролируются обществом (например, патриции). Она сравнительно небольшая (в нее обычно входят высшие чиновники, крупнейшие бизнесмены и криминал), но обладает огромной властью и богатством. Все остальное население составляет вторую группу (плебеи). Они лишены элементарных прав и свобод личности. Главная особенность таких государств заключается в том, что формирование и изменение институциональной системы в них происходит под контролем властной группы. Поэтому совершенно естественно, что ее члены стремятся получить максимальную выгоду прежде всего для себя, даже если всем остальным становится хуже. Следовательно, эффективность экономики в целом падает. Подобные общества естественно назвать номенклатурными или олигархическими. В них во властную группу люди попадают не с помощью собственного таланта и трудолюбия, а благодаря особому умению — угрожать начальству, и назначаются на выгодные должности “сверху” — старшими “товарищами”.

“Институты не обязательно — и даже далеко не всегда — создаются для того, чтобы быть социально эффективными; институты или, по крайней мере, формальные правила, создаются скорее для того, чтобы служить интересам тех, кто занимает позиции, позволяющие влиять на формирование новых правил” (Норт, 1997, с. 33). Противостоит этим тенденциям социальная организация общества, обладающая институтами демократического выбора своих руководителей и их смещения, в случае, если они совершают действия, противоречащие интересам населения и своим собственным обещаниям. Тогда у руководителей возникают реальные опасения понести наказание за принятие решений, не соответствующих мнению избирателей. К сообществам, обладающим подобным механизмом обратной связи, относятся наиболее развитые страны мира, а те государства, в которых власть не формируется и не контролируется обществом, как правило, не создали ни высокого жизненного уровня для большинства своих сограждан, ни реальных политических и экономических свобод, ни условий для стабильного экономического роста. В них руководители “поощряют скорее деятельность по перераспределению, чем по производству материальных благ, формируют скорее монополии, чем конкурентную среду, и скорее ограничивают, чем расширяют выбор” (Норт, 1997).

Институциональные изменения в социальной и экономической сферах — неотъемлемая составная часть всей истории человечества, и не следует считать их присущими исключительно нынешнему времени перехода ряда стран от “социализма” к “капитализму”. Истории известны случаи, когда институциональные изменения, совершавшиеся в странах, игравших примерно одинаковую роль в мире, привели к совершенно различным результатам. Примером могут служить “властители морей” — Англия и Испания, осуществлявшие в XVI–XVII вв. переход от феодализма к капитализму. Исходные условия были по сути равными, но в результате Испания перестала быть конкурентом Англии и превратилась во второразрядную страну. Причины этого хорошо известны — социальное устройство общества. Англии удалось сформировать демократическую систему, а Испания осталась олигархическим государством и создала институциональную среду, направленную не на эффективное экономическое развитие, а на быстрое обогащение властителей.

Примерно по такому же пути происходили институциональные изменения на американском континенте в XVIII–XIX вв., в результате чего США стали державой номер один в мире, а страны Латинской Америки — нищими, в них процветает коррупция, экономика остается отсталой и неэффективной.

Институциональные системы в таких обществах отличаются от рассмотренных выше систем тем, что в них утеряно свойство социальной справедливости, поскольку разделение общества на две неравные группы приводит к искажению и социальных, и экономических целей его развития. Потребности низшей группы населения выходят за рамки цели развития общества и превращаются в ограничения.

В номенклатурных обществах существует целый спектр систем — от достаточно эффективных до неэффективных. Назовем их крайние проявления системами *второго* и *третьего* типа.

Особенность систем второго типа заключается в том, что они более или менее экономически эффективны. Здесь допустимы частная собственность, реально работают антимонопольные и антикоррупционные институты, поскольку именно в этих условиях обеспечивается достаточно эффективное ведение хозяйства. Такие системы встречаются редко. Примером может служить Китай: здесь подобную систему удалось создать, по-видимому, благодаря гению Дэн Сяопина. Другие примеры менее эффективных систем, но все же относящихся ко второму типу — это СССР и страны Восточной Европы.

Третий тип — это системы, не являющиеся ни социально справедливыми, ни экономически эффективными. Они характерны для большинства номенклатурных стран. Неэффективность означает, что объемы производства в принципе могут быть увеличены за счет имеющихся в наличии избытков материальных, трудовых, природных, финансовых и других ресурсов (Полтерович, 2003), а также за счет перехода на современные технологии, снятия барьеров на пути развития бизнеса, охраны здоровья, образования, науки, культуры и т.п. У них, по существу, не закреплены права собственности, что дает в руки государства и чиновников дополнительные возможности. Другая особенность таких систем — ничем не ограниченная коррупция, лежащая тяжким бременем на экономику и уровень жизни большинства населения. Она обескровливает экономику, высасывая из нее все больше и больше денежных средств и, соответственно, самых разнообразных ресурсов. Пример такой системы хорошо известен.

Обществам, обладающим институциональными системами второго и особенно третьего типа, присуща еще одна общая черта. Они стараются представить себя перед мировым сообществом в лучшем свете, используя для этого явно нечестные средства. Однако мировое сообщество достаточно быстро распознает истинную ситуацию. Это напоминает широко распространенное в животном мире явление мимикрии. Среди множества форм мимикрии есть и такая: у хищника имеется орган, напоминающий съедобное существо, например червяка. Другое животное пытается его съесть, но само становится жертвой. Люди и даже целые страны попадались на такую уловку. В XX в. наиболее интересные примеры такой мимикрии — германский фашизм и советский социализм.

Важнейшее отличие систем второго типа от третьего — наличие эффективных институтов в экономической области, нарушение которых недопустимо даже для членов властной группы. Другими словами, властная верхушка может пользоваться результатами общественной экономической деятельности лишь в той мере, в которой это дозволено созданными ею институтами распределения, и не более того. Любое нарушение строго карается.

Таким образом, в системах второго типа экономическая власть номенклатуры ограничена, а политическая — нет. В таких системах ведется жесткая борьба с коррупцией. Все это делает их экономику достаточно устойчивой и хорошо развивающейся. Жизненный уровень населения растет, хотя и не такими темпами, как это было бы в условиях, характерных для систем первого типа.

В системах третьего типа деятельность органов государственной власти и отдельных чиновников слабо ограничена институциональной системой не только в политической или в экономической сферах, но и во всех других. Поэтому не действует антимонопольное законодательство, зато существует тотальная коррупция. Любой крупный бизнесмен может свободно купить у чиновника индульгенцию практически на любое нарушение действующего законодательства. Темпы роста разнообразных форм монополизма растут пропорционально снижению эффективности экономики. Конечно, это не означает, что власти не контролируют бизнес. Контроль осуществляется, но лишь для того, чтобы держать нарушителей на крючке и получать за это дань. Правда, иногда появляются уголовные дела на бизнесменов, не согласных с действиями властей. Действующие законы нарушают практически все крупные чиновники и бизнесмены. Почти каждый из них может быть привлечен к уголовной ответственности. Но если и привлекаются, то прежде всего мелкие сошки или политические противники власти.

Монополии (включая картельные сговоры) обычно охватывают все слои экономики — от высших уровней вплоть до самых мелких населенных пунктов, и везде у них есть не только формальные хозяева, но и реальные — чиновники соответствующего уровня. Они обеспечивают своим фирмам тепличные условия — защиту от конкурентов и контроля. В соответствии с этим распределяются и доходы. Первыми в очереди на их получение стоят чиновники и бизнесмены, последними — рядовые работники.

Говоря о системах второго и третьего типа, следует отметить, что в них прежде всего искажены базовые институты. В первую очередь это касается неотъемлемых прав и свобод личности. Вроде бы формально они закреплены в конституции, но на самом деле равенство всех людей перед за-

коном, свобода высказывать свою точку зрения исчезают, если противоречат официальной доктрине. Многие факты из жизни общества замалчиваются или искажаются. Вместо этого идет назойливая и лживая пропаганда о том, что население живет все лучше и лучше. Исчезают независимые средства массовой информации, в которых вскрываются социальные язвы, экономические провалы и предлагаются пути их преодоления. Следовательно, отсутствует равный доступ к информации, вследствие чего значительная часть населения в течение длительного времени продолжает верить в обман, публикуемый официальными СМИ. Пропагандистская система превращает руководителя страны чуть ли не в идола для значительной части электората (вспомним, как любили Гитлера, Сталина, Мао Цзедун, как любят Кастро) и голосует за него. Если же его деятельность не нравится и избрание маловероятно, то результаты выборов грубо подтасовывают (например, во время вторых выборов Ельцина). А номенклатура превращается в безликого руководителя общества, нацеливая его на решения задач, угодных верхушке. Действующие экономические институты извращают систему ценностных параметров, что приводит к возникновению ложных стимулов, изменяющих ориентиры экономического развития.

В этих системах не работает еще одна группа эффективных институтов — институты, обеспечивающие политическую конкуренцию и возможность безболезненной смены власти. Для этого в демократических странах существуют несколько реально равноправных политических партий, свободные и справедливые выборы, равные права для всех не только избирать, но и баллотироваться в выборные органы. Основными задачами аппарата управления здесь является, во-первых, проведение в жизнь экономической, социальной и политической программы правящей партии (коалиции). Во-вторых, осуществление контроля за выполнением правил, диктуемых институциональной системой для всех участников социально-экономического процесса. Оппозиционные партии обычно создают теневое правительство, которое контролирует деятельность правящей партии и государственных органов управления. А там, где нет политической конкуренции, отсутствует и конкуренция экономическая, что существенно снижает эффективность развития экономики.

В демократических обществах существует политический рынок и, соответственно, политическое равновесие как некая равнодействующая из соревнования противодействующих партийных концепций. Благодаря этому создаются ситуации, при которых ни одному участнику не выгодно их изменять. При этом все участники остаются совершенно свободными. А в большинстве стран с системами второго и третьего типа вместо политического рынка, на котором конкурируют равноправные политические партии, действует по существу однопартийная система. Правда, в ряде случаев на выборах могут появляться и другие партии (прирученная «оппозиция»), не играющие заметной роли в жизни общества. Истинная же оппозиция и, соответственно, политическое равновесие невозможны в силу фактического отсутствия политического рынка. Здесь институциональное «равновесие» наступает в результате репрессивных актов властей по отношению к инакомыслящим, вследствие чего многие из недовольных начинают думать, что неприятности, связанные с оппозиционной деятельностью, слишком серьезны и лучше согласиться с действующей политической и институциональной системой, чем выступать против нее. Это внешне напоминает движение в сторону институционального равновесия с той лишь разницей, что движущей силой здесь является не свободное волеизъявление граждан, а аппарат принуждения.

Итак, условия появления социально несправедливых институциональных систем очевидны: это прямое следствие государственной монополии на институты. Они формируются исключительно властью, поэтому общечеловеческие ценности в них подменяются ценностями правящей группировки. От того, насколько сильна власть, зависит, какой преимущественно тип институциональной системы — второй или третий — будет принят. Напрашивается естественный вывод: авторитарные формы общественного устройства, как правило, исключают возможность формирования институциональных систем первого типа.

Из других существенных отличий между институциональными системами второго и третьего типа можно отметить следующее. Страны, обладающие институциональными системами, приближающимися ко второму типу, весьма устойчивы. В них, в принципе, иногда могут формироваться условия, способствующие развитию демократии. Значит, они могут начать движение в направлении первого типа институциональных систем. В качестве примера можно привести современную Испанию, сделавшую подобный скачок после смерти Франко. Это привело к существенному оживлению экономики, повышению качества жизни населения и развитию демократических свобод.

Страны же с системой третьего типа вряд ли обладают подобным свойством. Главное препятствие на пути их модернизации — тотальная коррупция, подрывающая всякое движение к прогрессу (Овсиенко, 2005). Власть номенклатуры является главным тормозом, лишаящим экономику возможности поступательного развития и, в частности, препятствует инновационной деятельности, способствует росту не только транзакционных, но и трансформационных издержек, в частности, за счет огромного числа синекур и “крыш”, приносящих ей гигантские доходы за счет роста издержек производства. Все это — элементы тотальной коррупции, уничтожать которую власть не собирается, поскольку не намерена рубить сук, на котором сидит. Начинается деградация, которую трудно остановить. Далее может последовать свертывание международных связей, закрытие внешних границ, гипертрофия силовых ведомств, переход от авторитарной к тупиковой тоталитарной социальной системе.

4. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ — ЕСТЕСТВЕННЫЙ РЕЗУЛЬТАТ ЕЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ

Особенность советского и российского общества заключается в том, что в них этапы социально-экономического развития всегда связаны с именами их руководителей — Ленина (гражданская война, разруха, нэп), Сталина (коллективизация, репрессии, индустриализация), Хрущева (развал сельского хозяйства, оттепель, жилищное строительство) и т.д. Это признак отсутствия демократических институтов. По мнению большинства населения старшего возраста из бывшего СССР, наиболее благоприятный период в их жизни — брежневский. Представляется, что институциональная система СССР, особенно в брежневский период, относилась ко второму из рассмотренных выше типов.

Период Горбачева ознаменовался провалом попытки демократизации общества в условиях однопартийной системы. Из мероприятий, существенно повлиявших на экономическую динамику, следует отметить переход от двухвалютной системы денежного обращения (наличные и безналичные рубли) к одновалютной. Бывшие безналичные рубли, ранее обращавшиеся только в сфере производства, немедленно направились в потребительский сектор. В розничную торговлю хлынула огромная масса денег, в результате с прилавков было сметено буквально все, возникли гигантские очереди. А в сфере производства количество денег резко уменьшилось, что немедленно привело к ухудшению работы предприятий. В первую очередь снизился объем оборотных средств, начались перебои в поставках и, соответственно, в производстве. Возросли денежные доходы населения, но, конечно, не всего, а в первую очередь руководителей предприятий (и их кураторов — чиновников), которые сначала стали распродавать свои запасы (причем не только продукции, но и сырья), а затем и другие составляющие имущества предприятий. Были ли указанные результаты данного мероприятия предсказуемы? Безусловно. Более того, было очевидно, что этого делать нельзя. Но квалификация реформаторов не позволила им это разглядеть.

Таким образом, еще до распада СССР выявился феномен, который впоследствии станет постоянным фактором российских реформ: экономический спад сопровождается ростом реальных доходов его организаторов.

Принятый в начале 1990 г. союзный Закон “О собственности в СССР” полностью развязал руки руководству пока еще государственных предприятий. Действительно, их имущество юридически все еще оставалось государственной собственностью. Однако в нем говорилось о закреплении за предприятиями их имущества на праве полного хозяйственного ведения. Более конкретно: согласно закону предприятие владеет, пользуется и распоряжается своим имуществом, может входить в состав различных хозяйственных объединений (обществ, товариществ), преобразовываться в акционерное общество, внося в качестве вклада свои основные и оборотные фонды, а также право пользования имуществом. То есть директора уже тогда могли распоряжаться имуществом практически безо всяких ограничений.

Аналогичный закон о собственности, а также Закон “О предпринимательской деятельности” были позднее приняты руководством РСФСР. Это позволило директорам фактически превратиться в собственников, но иметь ряд преимуществ по сравнению с собственниками настоящими. Когда предприятие развивается хорошо, его руководитель ведет себя как собственник, присваивая его доходы. А если у предприятия возникают финансовые или иные трудности, он апеллирует к государству как юридическому собственнику, добываясь с помощью тех же кураторов различных льгот, вплоть до прямой финансовой помощи из государственного бюджета (Корнев, Иванов, 1995).

На этих примерах можно выявить фундаментальную особенность поведения российских властей, сопровождающую весь ход реформ — недемократические методы формирования институциональной системы. Проводя те или иные мероприятия, они никогда не советуются ни с населением, ни даже с независимыми экспертами. Может быть, это просто необоснованная самоуверенность? Ведь большинство российских политиков обзавелись докторскими степенями, причем не только в политологии, но и в экономике, социологии, юриспруденции и даже в филологии, и считают себя крупными специалистами. Но на самом деле мало кто из них способен прочитать университетский курс лекций по своей специальности или хотя бы сдать экзамен (разумеется, если экзаменаторы не знают, с кем имеют дело).

Поэтому власть выбирает то направление институциональных изменений, которое сулит наибольшие выгоды именно номенклатуре в ущерб остальному населению. Однако это у них проходит не всегда. Яркий пример — монетизация льгот пенсионеров. Еще до реализации соответствующего закона специалисты говорили, что он ухудшит положение пенсионеров (см., например (Овсиенко, Петраков, 2004)). Однако к их голосу никто наверху не прислушался. В результате процесс пошел не по предложенному правительством сценарию, а государственный бюджет вместо ожидаемой экономии получил увеличение затрат. В то же время власти категорически отвергли предложение о монетизации льгот чиновников.

Таким образом, в условиях, когда власти не несут ответственности за результаты своей деятельности, они всегда будут действовать в собственных, а не общественных интересах. Это ярко демонстрирует опыт российских реформ. История России также характеризуется этапами, соответствующими именам главных руководителей. В силу краткости российской истории пока мы видим полтора этапа — ельцинский и половина путинского.

Начнем с первых шагов: либерализации цен и приватизации.

Огромное превышение объема денежной массы над предложением товаров требовало принятия срочных мер. Простейшее решение — централизованное повышение цен — российское руководство отвергло, видимо, опасаясь массовых протестов. Не приняло оно и расширения импорта потребительских благ. Повышение цен все же произошло, но ему придали видимость научности и объективности: объявили либерализацию цен. Вообще говоря, хотя времени между принятием решения о либерализации до ее осуществления было очень мало, все же, на наш взгляд, можно было сделать хотя бы небольшую институциональную подготовку.

Известно, что экономика России была в значительной степени монополизирована, и этот фактор следовало учитывать. В развитых странах действует антимонопольное законодательство, не допускающее существования любых монополий, кроме естественных. А для естественных монополий в развитых странах имеются жесткие ограничения: цены на продукцию и плановые объемы конечных результатов их деятельности утверждаются централизованно, по принципу — затраты плюс достойная прибыль, подобно тому, как это делалось в СССР. Монопольная прибыль при этом исчезает.

Россия, разумеется, не могла сразу избавиться от “неестественных” монополий. Но можно было для них оставить действующую в тот период “затратную” систему ценообразования и освободить цены по мере их разукрупнения. При этом величину цены нужно было сделать такой, чтобы она только-только покрывала издержки. Тогда монополиям было бы выгодно распадаться на ряд более эффективных конкурирующих фирм со свободными ценами (Овсиенко В., Овсиенко Ю. и др., 1993). Кроме того, следовало предвидеть инфляцию и позаботиться о сохранении (хотя бы частичном) сбережений населения. Поскольку даже таких простых шагов не было сделано, в экономике страны продолжался (и продолжается до сих пор) процесс монополизации. А население сохраняет популярную в СССР тенденцию создания запасов потребительских продуктов, но теперь уже не из-за дефицита, а из-за инфляции.

В стране сложились разные типы монополий — общенациональные, такие как Газпром, РАО ЕЭС, олигополии (например, в нефтедобыче), которые в силу несовершенства законодательства и отсутствия контроля давно уже осуществили картельный сговор. Однако это — лишь вершина айсберга. Теперь у нас монополии существуют повсеместно. В условиях, когда не только федеральные, но и региональные чиновники всех уровней обладают огромным влиянием на все аспекты общественной жизни, в управляемых ими территориях появляются областные и краевые монополии, подавляющие конкурентов с помощью местных властей. Есть даже микромонополии, например система ларьков с одним хозяином вокруг какой-либо станции метро или единственный в микрорайоне или сельском поселке магазин, торгующий некими товарами первой необходимости. При этом власти ставят надежные барьеры на пути возникновения конкурентов.

Население вынуждено выбирать: тратить время и деньги на поездки в другое место или делать покупки здесь, но по более высокой цене.

Общий финансовый результат либерализации цен — процесс радикального перераспределения денежных потоков (Овсиенко, 2002): неуклонно снижающиеся суммы средств (в реальном исчислении), поступающие населению, и растущие их объемы, перетекающие в руки российской номенклатуры. Основная часть доходов номенклатуры — средства, не заработанные трудовыми усилиями, причем их доля в общей сумме неуклонно растет. К ним относятся рентные и монопольные доходы (их не было в составе доходов советских предприятий в силу централизованной затратной системы ценообразования (Овсиенко, 2005)), а также все, что поступает в карман монополистов за счет снижения реальных доходов населения.

Таким образом, вместо центральной власти, как это было в СССР, цены в России устанавливают монополии. Значит, у нас произошла не либерализация, а монополизация цен, что дало в руки российской номенклатуре новый, неизвестный в СССР источник доходов.

Приватизация была проведена столь же поспешно, бездумно и опять-таки в пользу номенклатуры и за счет населения. Общественное богатство было попросту роздано своим людям и до сих пор продолжает раздаваться по тому же принципу. А разговоры об эффективном собственнике, которые вели реформаторы, так и остались на бумаге.

Особой, самой мощной естественной монополией является, как известно, государственная власть. В России она имеет крупнейший бюрократический аппарат, по численности превышающий тот, который существовал во всем СССР. Номенклатура контролирует все силовые структуры, судебную и законодательную ветви власти, средства массовой информации и, скорее всего, даже верховную власть.

Мировой опыт показал, что необходимые условия эффективности работы данной монополии — разделение властей, наличие сильной оппозиции, способной к активной конкуренции с действующей властью, открытость для населения действий государственных органов, общественный контроль за их результатами и за всеми источниками доходов российской номенклатуры, а также возможность быстрой смены власти в случае, если ее деятельность общество оценивает негативно. Однако в России этого нет. Более того, окончательно ликвидирована оппозиция, а также существовавшие при Ельцине свободные средства массовой информации. Большинство СМИ принадлежат государству или государственным фирмам (например, Газпрому). Губернаторы фактически назначаются президентом (как и вся верхняя палата Федерального Собрания). В последние годы наметилась обратная тенденция — уменьшение возможностей для общественной оценки тех или иных социальных и экономических изменений. Для этого используются такие средства, как сокрытие реальной информации о развитии страны, работе правительства, дезориентация и прямой обман населения с помощью известных из опыта СССР пропагандистских мер. Происходит удушение оппозиции, население выбирает не конкретных депутатов Госдумы, а отобранные властью списки представителей партий. Результаты выборов известны заранее.

Таким образом, политическая система России стала, по сути, идентичной существовавшей в СССР. Об экономической системе этого сказать нельзя. Характеризуя экономику России в целом, следует отметить, что ныне она перестала быть единым комплексом взаимосвязанных производств, а превратилась в группу независимых “островков”. Более или менее приличное положение сложилось в отраслях добычи природных ресурсов. Это связано с тем, что здесь возникают огромные объемы монопольных и рентных доходов, идущих в первую очередь чиновникам и тем, кто руководит их добычей. Появившиеся в России крупные собственники не уверены в будущем и поэтому заняты перемещением своих сверхдоходов и капиталов за рубеж, где они имеют недвижимость, живут члены их семей, а иногда и они сами. Их примеру следует и государство, перемещая туда же средства, которые кажутся ему излишними, хотя существует множество направлений их эффективного использования¹. Высочайшая доходность добывающих отраслей, а также простейшие, понятные даже отечественным нуворишам технологии делают их лакомыми кусочками. Поэтому вход в эти отрасли для потенциальных инвесторов категорически запрещен. Конкуренция отсутствует, как и почти во всей экономике. Других столь же прибыльных сфер бизнеса в России практически нет.

¹ В последнее время часть этих средств собираются направить на реализацию инновационных проектов, пенсии и другие цели. Но ни копейки этих средств, представляющих собой рентный доход, никто не собирается использовать для охраны единственного их источника — природы.

Большая часть предприятий обрабатывающей промышленности превратилась в группу малоэффективных, слабо связанных между собой производств². В сельском хозяйстве дела обстоят еще хуже. И не видно никаких серьезных процессов, позволяющих надеяться на возрождение отечественной экономики.

Естественным следствием монополизации, наряду со снижением производства в указанных областях, является ухудшение качества продукции с одновременным ростом издержек и цен на нее (вызванным, прежде всего, методами, которыми правящая номенклатура повышает свое благосостояние). Следовательно, в экономической области Россия сделала шаг назад по сравнению с СССР.

Таким образом, сложившаяся в стране институциональная система обладает явными пороками и в социальной, и в экономической сферах. В социальной области она направлена на увеличение разрыва между бедными и богатыми, а в экономической — породила извращенную систему экономических оценок, что привело к диспропорции между обрабатывающей промышленностью, особенно машиностроением, которая превратилась в неэффективную сферу приложения капитала, и добывающей промышленностью — суперэффективным источником доходов номенклатуры.

Следует отметить, что один из важнейших способов обогащения чиновников — коррупция, размеры которой увеличиваются пропорционально повышению их официальных доходов. Важнейшая предпосылка бурного развития коррупции — существование созданного властью неформального института, согласно которому, чем выше по карьерной лестнице продвигается человек, тем он более свободен от “пут” действующей институциональной системы. В этом основа коррупции, годовые размеры которой по некоторым оценкам ныне составляют около четверти ВВП. Ситуация такова, что честный человек, попавший в чиновничью среду, должен либо отказаться от своих внутренних ценностей и жить так же, как все остальные, либо уйти. Есть и третий вариант — обратиться в соответствующие органы. Но в этом случае именно честный чиновник, скорее всего, будет осужден нашим коррумпированным судом по сфабрикованному делу.

Власти хорошо знают о многих крупнейших коррупционных действиях высшей номенклатуры, но предпочитают “бороться” с коррупцией на уровне “оборотней в погонах”. Высшим же чиновникам дозволено все. Следовательно, именно высшая бюрократия и есть истинная хозяйка земли русской.

Ситуация, когда властям закон не писан, привела к тому, что в криминальном мире обозначается термином “беспредел”. Особенно сильно он бьет по простым гражданам и малому бизнесу. Более крупные бизнесмены могут избежать подобных ударов, но для этого им приходится постоянно повышать издержки производства для удовлетворения непрерывно растущих аппетитов коррумпированных чиновников. Темпы роста размеров соответствующих выплат особенно выросли после 2000 г. вследствие повышения темпов роста доходов чиновников. Это главный фактор, порождающий в наше время инфляцию и снижающий эффективность экономики. Аналогичную ситуацию, сложившуюся в Мексике в XIX в., описал Дж. Коутсворт в книге (Норт, 1997, с. 150): “Успехи или неудача в экономической деятельности всегда зависели от отношений между производителем и политическими властями — местными чиновниками, чтобы улаживать текущие дела, и центральным правительством, чтобы обеспечить благоприятное для себя толкование закона или, если потребуется, защиту от местных чиновников. Небольшие предприятия, исключенные из системы корпоративных привилегий и политического покровительства, были вынуждены постоянно существовать в полуподпольном состоянии, всегда на грани закона, всегда по милости мелких чиновников — никогда не чувствуя себя в безопасности от произвола, никогда не будучи защищенными от тех, кто сильнее”. То же самое происходит в России в начале XXI в. Ситуация многократно ухудшилась и стала угрожать развитию и даже существованию российского государства.

Появились и другие факторы, не способствующие эффективному социально-экономическому развитию страны и порождающие дальнейший рост издержек. Они связаны с ростом затрат на содержание силовых ведомств, в первую очередь военных, ФСБ, МВД и т.п., что в результате приводит к дальнейшему снижению эффективности экономики и ухудшению социальной структуры общества. Создается впечатление, что эти мероприятия направлены на защиту от внешней агрессии. В действительности все обстоит не так. Даже во времена, когда военный по-

² Положение еще можно улучшить, сделав так, чтобы природная рента отсутствовала в составе доходов российских предприятий, а монополия была бы ликвидирована соответствующими экономическими институтами. Тогда обрабатывающая промышленность могла бы успешно конкурировать с добывающей.

тенциал страны был столь низок, что она не могла справиться даже с Чечней, никто не собирался нападать на Россию. Следовательно, это нужно для других целей, скорее всего для повышения устойчивости существующей институциональной системы, сохранения и укрепления status quo. Но именно эти действия, наряду с политикой Минфина и ЦБ, имеют прямым результатом рост инфляции.

Повышение устойчивости существующей системы достигается и с помощью большинства новых формальных и неформальных институтов, создаваемых властью. О первых уже говорилось. За примерами формальных институтов, коренным образом меняющих социальную структуру общества, далеко идти не надо. Рассмотрим хотя бы некоторые из них.

1. Переход от прогрессивной шкалы налогообложения доходов к плоской, несомненно, ускорил темпы обогащения богатых, а бедных, имеющих доходы ниже прожиточного минимума, освобождать от налогов не стали, хотя это — общепринятое правило, действующее во всех развитых странах, на которые ориентируется отечественная внешняя политика.

2. Ликвидация налога на наследство. В развитых странах этот налог также ликвидирован, но только для бедных. А для богатых он, как и подоходный, является прогрессивным.

3. Установление сроков давности за крупнейшие экономические преступления. Всем известно, что приватизация — это целиком преступный процесс, позволивший, с одной стороны, обогатиться будущим олигархам и чиновникам, провернувшим эти дела, а с другой — превративший половину населения в бедняков.

Результатом формирования рассмотренных институтов является то, что номенклатура в современной России стала наследственной, превратилась в новую “аристократию”.

Социальная структура российского общества стала очень близка к существовавшей на Руси в прежние времена. Современную “аристократию” можно разбить на три группы: крупные чиновники (аналогичны когорте преданных действующей власти дворян); губернаторы (близки по подобию к боярам), которые теперь стали также слугами власти, а не народа; олигархи (похожи на купцов и промышленников), обязанные делиться доходами с чиновниками³. Авторам неизвестно, облагались ли их богатства налогом на наследство, но нынешняя номенклатура полностью, безо всяких вычетов, передает свои богатства наследникам, а они занимают освободившиеся и вновь создаваемые номенклатурные места.

Нельзя не выделить еще одну специфическую группу “высших” — это криминал, ставший в наше время огромной силой. Ныне криминал разъедает все элементы российской социальной системы. Происходит его сращивание, прежде всего, с российской номенклатурой.

Но в старой России помимо группы “аристократов” существовали и другие — нищие и бесправные — группы: рабочие и крестьяне. Им приходилось трудиться на членов первых трех групп (включая, разумеется, и царскую семью, и государственные организации). В наше время в группу бедных и сирых вошла интеллигенция, значительная часть которой ранее входила в состав государственных служащих и была неплохо обеспечена. Сейчас ситуация изменилась. Для них придумали новую категорию оплаты труда — бюджетники, имеющие во много раз более низкую заработную плату и пенсии, чем те, кто согласно действующему законодательству именуется государственными служащими.

Самая бедная и бесправная группа населения, которая внесла, быть может, наибольший вклад в развитие нашей страны — это пенсионеры (конечно не те, которые входили в номенклатуру, т.е. в первые три социальные группы).

Кроме институтов государства экономически неэффективными являются многие другие институты, например банковские. Действительно, размеры депозитных ставок банков, как правило, ниже инфляции, следовательно, в реальном выражении размеры вкладов уменьшаются. Происходит перманентное снижение сбережений населения. Отметим также некоторые государственные органы, такие как антимонопольные службы, допускающие (по-видимому, не бесплатно) существование монопольных доходов и т.п., а также все те, кто гонится за собственными доходами в ущерб таким институтам, как бесплатное воспитание, образование, здравоохранение, фундаментальная наука и культура.

Очевидно, что результаты реформ, начатых в 1992 г., до сих пор в целом негативны. Так, по оценке (Матвиевская, Паруль, Уманский, 2007, с. 5) продукция промышленности и сельского хозяйства в 2007 г. составляла примерно четверть, а инвестиции — половину уровня 1990 г. Объем

³ Темпы роста доходов и капиталов олигархов во много раз превышают экономический рост. Следовательно, тенденция уменьшения доли потребления населения в составе ВВП продолжается.

ВВП превышал этот уровень на 3%, видимо, за счет других сфер, таких как услуги и т.п.⁴ Действительно, за этот период технологическая база промышленности практически не изменилась по сравнению с “застойным” временем, зато техника изнашивалась до предела. В сельском хозяйстве ликвидированы старые формы, но не созданы новые. Объемы производства большинства важнейших видов промышленной и сельскохозяйственной продукции все еще ниже дореформенного уровня. Зато доходы российской номенклатуры многократно выросли и подчас существенно превышают уровень оплаты руководителей, занимающих аналогичные посты в развитых странах.

Огромное количество ресурсов и гигантские денежные средства от их экспорта являются для страны избыточными. Следовательно, институциональная система России, несомненно, относится к третьему типу, а не ко второму, характерному для времен СССР, когда экономический рост еще существовал. Именно она тормозит процесс модернизации социальной структуры и экономики. Естественный вывод из всего изложенного заключается в том, что эффективность деятельности российской номенклатуры значительно ниже ее доходов. Следовательно, действующая власть не помогает обществу, а наоборот, тратит больше, чем дает. Это означает, что такой фундаментальный общественный институт (или их совокупность), как государство, в России, во-первых, экономически неэффективен, во-вторых, — социально несправедлив.

Теоретическим прикрытием политики, проводимой властями, была научно несостоятельная концепция шоковой терапии, согласно которой институциональные изменения якобы сопровождаются уменьшением производства и снижением жизненного уровня населения. Но ведь если до реформ он был выше, чем после них, это означает только одно: значительная часть предприятий прекратили свою работу. Следовательно, институты, созданные новой властью, во-первых, лишили общество стимулов к производственной деятельности, во-вторых, стимулировали перераспределение доходов от бедных к богатым. Значит, институциональная система полностью соответствует третьему типу. Поэтому получилось так, что доходы значительной части населения, включая пенсионеров, ниже дореформенных. Эти люди до сих пор не оправились от шока и вряд ли оправятся от него, пока институциональная система не будет радикально изменена.

* * *

Любое государство, не имеющее природных ресурсов, при нашей институциональной системе давно бы погибло. Но Россия не просто живет, а обеспечивает постоянный рост доходов и богатств номенклатуры. Это поддерживается развитием доставшихся в наследство от СССР институтов, направленных не только на сохранение существующей социальной структуры, но и на урезание неотъемлемых прав и свобод личности, ликвидацию плюрализма в политической жизни. Это, по сути, делает невозможным движение к институциональному и политическому равновесию, следствием чего являются монополизация и почти полное отсутствие конкуренции и, следовательно, равновесия в экономической сфере, что делает невозможным эффективное экономическое развитие.

Поэтому представляется, что программа, ориентированная на развитие инновационных технологий и повышение доходов граждан, в среднесрочной перспективе вполне может оказаться подобной хрущевскому коммунистическому будущему.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Маркс К., Энгельс Ф. (1959): Собрание сочинений. Т. 13. М.: Госполитиздат.
- Матвиевская Э.Д., Паруль Э.А., Уманский Л.А. (2007): Важнейшие социально-экономические показатели развития России. М.: ИЭ РАН.
- Норт Д. (1997): Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги “Начала”.
- Овсиенко В.В., Овсиенко Ю.В., Черноволов П.А., Щукин М.Ю. (1993): Российская реформа и интересы властных социальных групп // *Экономика и мат. методы*. Т. 29. Вып. 1.
- Овсиенко Ю.В. (2002): Перераспределение доходов как результат российских реформ // *Экономика и мат. методы*. Т. 38. № 4.

⁴ В Китае за этот период размер ВВП вырос в 5 раз.

- Овсиенко Ю.В.** (2005): Институциональные барьеры российской модернизации // *Экономика и мат. методы*. Т. 41. Вып. 2.
- Полтерович В.М.** (2003): Парадоксы российского рынка труда и теория коллективных фирм // *Экономика и мат. методы*. Т. 39. № 2.
- Корнев С.А., Иванов В.Н.** (1995): Анализ процесса приватизации (московский опыт). М.: ЦЭМИ РАН.
- Овсиенко Ю.В., Петраков Н.Я.** (2004): Российская трансформация и ее результаты // *Вопр. экономики*. № 5.
- Veblen T.** (1922): The Theory of Leisure Class // *An Economy of Institutions*. № 4.

Поступила в редакцию
14.05.2008 г.

Correlation Between the Institutional Systems' Character and the Mechanism of Their Creation

Yu. V. Ovsijenko, V. P. Rusakov

The authors introduce the concept of institutional system as an aggregate of inter-related institutions, creating the norms for all the forms of relations among the individuals and the organizations in all the spheres of social life. Defined are its features, functions and effects on the socio-economic dynamics. It is shown that there is a spectrum of such systems, while institutional changes in each are influenced not only by the national traditions, but by the functioning social structure. Some specific peculiarities of the Russian institutional dynamics are considered.